БЕЛЫЕ НАПЕВАЮТ И НАИГРЫВАЮТ

Известия. - 2004. - 10 июля - с. 7

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО | Вена

ФОТО ИГОРЬ ЗАХАРКИН / ИЗВЕСТИЯ

В Венской опере прошла премьера одной из самых любопытных опер XX века «Джонни наигрывает» Эрнста Кшенека, написанной в 1927 году. Звездным составом во главе с баритоном Бо Сковусом, тенором Торстеном Керлом и сопрано Нэнси Густавсон дирижировал знаменитый маэстро Сейджи Озава — нынешний музыкальный руководитель Wiener Staatsoper.

На спектакли, которыми дирижирует Озава, будь то Вагнер, Моцарт или Кшенек, собирается множество его соотечественников, как проживающих в Вене, так и туристов. Этакое японское лобби. Многочисленные дамы в изысканных кимоно, сидевшие в партере в этот вечер, неплохо вписывались в японизированную эстетику «золотых 20-х».

Конечно, «Johnny spielt auf» — никакая не джазовая опера, как ее любят называть всевозможные оперные путеводители. Это не Джордж Гершвин или Скотт Джоплин, у которых рег-таймы и спиричуэлс выражают все — любовь, грусть, ненависть. Джаз, которым обильно сдобрена вполне немецкая экспрессионистская партитура «Джонни», — скорее ерническая, надсадная краска, которую Кшенек использует, чтобы лишний раз подчеркнуть «новые времена» — циничные и витальные одновременно. Даже Равель и Барток используют джазовые ритмы и гармонии куда более любовно.

Запутанный сюжет из жизни музыкальной богемы с украденной скрипкой Амати, интрижками и изменами, смертью под колесами поезда развивается в «центральном европейском городе, затем в Париже и в Альпах», как гласит либретто. Так и не ясно, высмеивал композитор «весь этот джаз» или любовался им.

Ясно лишь, что венские постановщики им исключительно любовались, — мол, были в Европе времена и пострашнее, а тогда, в 20-х, все было стильно и весело. Художник Андреас Райнхардт создал некий стерилизованный супрематизм, слишком яркий, слишком дизайнерский, чтобы выглядеть подлинным. Варьетешные костюмы Фалька Бауэра, с блестками и перьями, которые с успехом можно было носить как в 20-х, так и в 90-х, еще больше уводили зрителя от конкретной эпохи. Хореография Ренато Занелло больше ссылалась на знаменитые работы Боба Фосса, чем на подлинные немецкие кабаре 20-х.

Режиссер Гюнтер Кремер использовал, кажется, все средства воздействия на зрителя — от огромного телеэкрана до появления в зрительном зале длинноногих кабаретных хористок в перьях, а затем и толпы полицейских, чьи фонари скользили по лицам напрягшегося партера. Конечно, в политкорректные времена чернокожие любовники и воришки — Джонни и Ивонна — не могли быть показаны однозначно черными. В финале Джонни (Бо Сковус) смущенно переодевался прямо в партере, стирал с лица черный грим и срывал с головы негритянский парик, который и до того вызывал сомнения своей нарочитостью. Его подружка Ивонна (Илдико Раймонди) тоже превращалась из негритянской консьержки в невзрачную мадемуазель европейской внешности. Постановщики вроде бы вышли из щекотливого положения и не стали выставлять чернокожих ворами и аферистами, но при этом черному скрипачу и его сообщнице (заявленным в списке действующих лиц оперы Кшенека) вообще отказали в парижской прописке, что по сути еще менее политкорректно.

Объяснить все эти эскапады внятной режиссерской идеей довольно трудно. Но все вместе, в сочетании с превосходной игрой оркестрантов и блестящими актерскими и вокальными работами, производило феерическое впечатление. Озава, известный своими записями Стравинского и Штрауса, чувствовал себя в этой партитуре как рыба в воде — в его игре были и легкость, и терпкость, и японская точность, когда многофигурные вокальные ансамбли собирались им в роскошные, почти хай-тековские модули. Разве что медные подвели пару раз, и голос знаменитой специалистки по современным операм — Нэнси Густавсон заметно устал в финале. Но в целом этот спектакль вполне заслужил овацию, которой его наградила весьма строптивая венская публика.

В этом эффектном успехе было что-то исключительно венское, когда легкомыслие оказывается столь стильным и заразительным, что ему просто невозможно предъявлять претензии, невозможно задавать «умные» вопросы. Зато хочется бывать на этой опере еще и еще, как в какой-нибудь роскошной кондитерской.

В опере «Джонни наигрывает» эстетика «золотых 20-х» смешалась с хай-теком 90-х.

ФОТО WIENER STAATSOPER GMBH / AXEL ZEININGER

Озава Сейджи

10.07.04

135